

С.В. АЛПАТОВ
(Москва)

Рецензия на: Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы) / Сост., вступ. ст. и коммент. С.П. Сорокиной. — М.: ИМЛИ РАН, 2006. — 288 с.

Научное творчество П.Г. Богатырева, известное по компактному и насыщенному изданию «Вопросы теории народного искусства» (М., 1971), получившее новый импульс к целостному осмыслению в недавних публикациях писем ученого, воспоминаний современников, суждений коллег и учеников (см.: «Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания. Документы. Статьи» (СПб., 2002)), ныне приходит к читателю сборником малоизвестных и ранее не издававшихся работ исследователя.

В первой части книги собраны статьи, заметки, тексты научных докладов и сообщений, опубликованные в 1920—1960 гг. в таких зарубежных изданиях, как «Slavia», «Národopisný věstník československý», «Lud sloviański», «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae» и др. Второй блок текстов объединяет материалы, извлеченные из архивов Российской академии наук, Российской государственной библиотеки, Государственного литературного музея.

Оба раздела книги включают как статьи концептуального характера («Этнологическая география и синхронистический метод» [с. 91—93], «К проблеме размежевания фольклористики и литературоведения» [с. 118—120], «Функционально-структуральный метод и другие методы этнографии и фольклористики» [с. 144—155], «Некоторые замечания о взаимовлиянии между высоким и низким искусством» [с. 201—206]), так и конкретные исследования, выполненные в заданном мето-

логическом ключе («К вопросу о румынских погребальных плачах» [с. 156—162], «К исследованию народных обрядов и поверий при постройке дома в Восточной Словакии и Подкарпатской Руси» [с. 184—200], «Законы видоизменений народных рассказов, несущих неэстетическую функцию, в рассказы, в которых доминантой является эстетическая функция (анекдоты, сказки). На основе словацких устных рассказов» [с. 207—217], «Роль ситуации при исполнении фольклорных произведений» [с. 218—228], «“Своеобразное бессмертие” эпического героя» [с. 172—182], «Сны в пересказе крестьян и в народной сказке» [с. 97—107], «К вопросу изучения словацких разбойничьих песен. Мотив “Виселица-свадьба”» [с. 163—171]). Выделенные в особое Приложение «Дневник собирателя по Подкарпатской Руси» [с. 230—242] и стенограмма доклада профессора П.Г. Богатырева «Театр кукол у славянских народов», прочитанного 12 сентября 1941 г. на совещании Кабинета театра кукол ВТО [с. 243—257], тем не менее, многими смысловыми нитями соединены с текстами основной части.

Публикацию работ П.Г. Богатырева сопровождают аналитические комментарии и продуманный аппарат указателя имен и списка сокращений.

Емкие и содержательные комментарии ценны не только освещением текстологической истории публикуемых текстов, но, в первую очередь, выявлением концептуальных и методологических связей данных работ со всем комплексом исследований П.Г. Богатырева, а также с трудами его коллег-современников, нередко изучавших тот же круг проблем сходными методами. В результате возникает интереснейшая корреляция между *ретроспективной* оценкой роли и места П.Г. Богатырева в истории отечественной науки и тем, как мыслит собственные исследовательские *перспектив-* 137

вы Петр Григорьевич в статье «Своеобычное в русской фольклористике (Что дала и может дать нового в методологии русская фольклористика?)» [с. 126—143].

В свете сказанного особое значение приобретает развернутая вступительная статья С.П. Сорокиной, в которой предлагаемые читательскому вниманию работы П.Г. Богатырева не только помещаются в соответствующий биографический и историко-культурный контекст, но и интерпретируются как этапы формирования функционально-структурального метода ученого.

Суммируя, можно утверждать, что рассматриваемое издание текстов П.Г. Богатырева представляет несомненный научный интерес не только в историографическом плане, но и в качестве «пробного камня» на подлинную новизну и методологическую четкость для современных этнолингвистических, фольклористических и компаративистских исследований, осознанно или бессознательно следующих научным традициям П.Г. Богатырева.

Однако едва ли не более сильное впечатление производит не собственно интеллектуальный потенциал публикуемых работ, а дух времени и личности Петра Григорьевича, выражающийся, в частности, в заостренной перспективности ранних публикаций, равно как и в проблемной незавершенности разработок, оставшихся в архиве автора. Скажем больше, тема *Нового времени* имманентно пронизывает все тексты сборника — и этнографические описания метаморфоз традиционной культуры славян после Первой мировой войны (на примере традиционного костюма), и наблюдения над жанровыми трансформациями фольклорных текстов (лирической песни, сказки) в XX столетии. Характерен и методологический акцент на изучении межкультурных взаимодействий и проблемах заимствования — будь то межэтнические и межконфессиональные контакты («К вопросу об этнологической географии» [с. 80—90]), или влияние городской культуры на сельскую («Задачи этнографа в Подкарпатской Руси» [с. 108—117]), или взаимовлияние литературной и фольклорной традиции («Некоторые замечания о взаимовлиянии между высоким и низким искусством» [с. 201—206]).

Здесь возникает еще одно характерное методологическое «созвучие» и одновре-

менно «диссонанс». Типологическое сходство функционально-структурального метода П.Г. Богатырева и британского функционализма Б. Малиновского, равно как и структурализма А. Рэдклиф-Брауна (ср. сборник его эссе «Структура и функция в примитивном обществе» [Рэдклиф-Браун 2001]) очевидно. Интерес и отечественной, и европейской научной традиции к культурным изменениям, происходящим непосредственно на глазах исследователя, несомненен (ср. пафос «Задач этнографа в Подкарпатской Руси» П.Г. Богатырева и «Динамики культурных изменений» Б. Малиновского [Малиновский 2004]).

Вместе с тем, западный функционализм звучит академичнее и одновременно «функциональнее», решая прикладные задачи колониального и постколониального администрирования: «Многие сторонники туземцев, миссионеры и педагоги питают надежды и работают над внедрением принципов христианской и европейской семьи в Африке и утверждением ее вместо ее туземной формы. Невыполнимая задача? Совсем нет. Спорадически и в очень малом масштабе ее удавалось решать. Но для того, чтобы добиться этой цели на всем континенте, было бы нужно предоставить каждому семейству жилище, адекватные средства образования и, конечно, экономическую базу, соответствующую жизненным стандартам христианской семьи в Европе, пусть даже бедной» [Там же, 78].

По сравнению с исследовательской и нарративной остраненностью Б. Малиновского (неизменной даже в «полевых» зарисовках «Аргонатов западной части Тихого океана» [Малиновский 2004а]) в «Дневнике собирателя по Подкарпатской Руси» П.Г. Богатырева звучит интимная включенность в жизнь карпатороссов и личная сопричастность их судьбам: «Довольно остро стоит в Подкарпатской Руси вопрос со школой. Вот где с успехом можно применить слова Писарева: “Мы глупы оттого, что бедны, и бедны оттого, что глупы”. Мне не раз приходилось слышать, как родители “торговались” с учителем, чтобы тот разрешил не посылать детей в школу... надо помогать дома, иначе родители не в состоянии прокормить семью» [с. 238]; «Стоит войти в избу, как сразу после этого найдешь у себя вшей. Раз я записывал сказки от 90-летнего старика. Старик был крепкий и до сих пор работает. Летом он каж-

дый день гоняет скотину в лес. Мне пришлось сопровождать его и там записывать от него сказки. Меня поразило, что старик 90 лет, а волосы у него совсем не седые, черные, только чуть-чуть серебром отливают. Я подумал, что это “серебро седины”. Но когда я надел очки, то оказалось, что каждый волос был усыпан гнидами вшей, и они блестя и отливали серебряным блеском» [с. 239]; «Одна большая женщина обратилась ко мне, нет ли у меня каких лекарств. Я советовал ей обратиться к доктору. “Что доктор, — ответила она, — треба деньги давать, вот коли бы человек, который ходит по свиту — т.е. я — дал что-нибудь”» [с. 240].

Этнические, социальные и культурные сдвиги, а нередко и катастрофы XX века, отразившиеся в судьбах носителей традиционной культуры, в трансформациях жанровой структуры, образов и сюжетики славянского фольклора, равно как и в смене концептуальных и методологических парадигм науки о фольклоре, — всё это вошло в «ткань» публикуемых работ П.Г. Богатырева и не оставляет читателя равнодушным.

Вероятно, этой же заинтересованной погруженностью публикаторов в мир героев и научных сюжетов П.Г. Богатырева следует объяснять появление в русском тексте характерных «богемизмов»: «французский философ, социолог и этнограф Люциан Леви-Брюль» [с. 94, 96] и «проблема гения и безумия, уже давно поставленная Ломброзом» [с. 162] — имеется в виду теория Чезаре Ломброзо.

В завершение хотелось бы искренне поблагодарить С.П. Сорокину и ее сотрудников (переводчиков) за возможность не только глубже постичь эволюцию творческой мысли П.Г. Богатырева и отчетливее увидеть его уникальное место в отечественной науке, но и услышать его «как живого свидетеля» [с. 257].

Литература

Малиновский 2004 — Малиновский Б. Динамика культурных изменений // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М., 2004. С. 7—210. (Сер. «Книга света»).

Малиновский 2004а — Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М., 2004. (Сер. «Книга света»).

Рэдклиф-Браун 2001 — Рэдклиф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001.

В.А. БАХТИНА

(Москва)

Рецензия на: Кузьмина Е.Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / Отв. ред. Н.А. Алексеев. — Новосибирск, 2005. — 1381 с.

«Томов премногих тяжелей» рецензируемая книга не только объемна, но и научно значима. Ее актуальность предопределена давно осознанной эпосоведами необходимостью обратиться к углубленному постижению конкретики эпических текстов.

Аналитическая методика исследования героического эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири, разработанная Е.Н. Кузьминой, представлена в виде «Указателя типических мест». Выдвижение типического места как важнейшего сюжетного, структурного, семантического фрагмента эпического текста неоднократно осуществлялось исследователями на материале многих этнических традиций. Дело, однако, никогда не доходило до создания системного указателя.

Во второй половине XIX века В.В. Радловым был намечен круг «готовых элементов», к которым прибегает сказитель эпического произведения. В их числе были, в частности, названы такие обязательные мотивы, как рождение героя, его быстрый рост, похвала оружию, диалог богатырей перед боем, описание героя и его коня, описание жилища, пира, смерти героя, плача по умершему, картины природы и пр. [Радлов 1885].

А.Н. Веселовский в «Поэтике сюжетов» обращал внимание на сходство эпической поэзии разных народов на сюжетно-мотивном уровне. Развивая его наблюдения, В.М. Жирмунский подчеркивал, что в эпосе постоянны, «кроме последовательности эпизодов и ситуаций», традиционные общие места, к которым он, подобно В.В. Радлову, относил седлание коня, описание битв, богатырской скачки и т.п. К постоянным составляющим эпоса В.М. Жирмунский причислял также и образы героев, и стилистические формулы, и сравнения, и эпитеты, и фразеологические обороты, и пр. [Жирмунский 1962, 247]. Он обращал внимание ученых-компаративистов на необходимость улавливать сходство (и разли-